

АНДРЕЙ ДОБРЫЙ

О СУДЬБЕ И НЕ ТОЛЬКО

СВОРНИК РАССКАЗОВ

Андрей Добрый
О Судьбе и не только. Сборник

«Автор»

2026

Добрый А.

О Судьбе и не только. Сборник / А. Добрый — «Автор», 2026

Сборник рассказов о судьбе и её превратностях. Судьба определена, или человек сам автор своей судьбы?

© Добрый А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОТЕРЯННЫЕ ВЕЩИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Добрый

О Судьбе и не только. Сборник

ПОТЕРЯННЫЕ ВЕЩИ

Ведомые и ведущие

Иногда Вселенная говорит с нами шепотом. Она подбрасывает на дорогу монету определенного года, заставляет нас десять раз за день наткаться на одно и то же слово в книге, газете и разговоре незнакомцев или посылает внезапный порыв ветра, уносящий шляпу прямо к нашим ногам. Марина научилась не слушать этот шепот. Она давно решила, что это просто игра ума, попытка скучающего сознания навести порядок в хаосе случайностей. Ее жизнь была доказательством хаоса – тихого и предсказуемого, но лишь в своей монотонной непредсказуемости.

Она находила вещи. Это был ее негласный, никому не ведомый дар. А может, тихая аномалия ума. Вещи будто сами стремились в ее поле зрения, отрывались от своих владельцев в надежде быть замеченными именно ею. Не броские кошельки или телефоны, а именно маргиналии существования: одинокая пуговица перламутрового цвета на сиденье в автобусе; карандаш с надкушенным грифелем под скамейкой в парке; выцветшая фотография молодого солдата, затерявшаяся между страниц томика Чехова в библиотеке. Марина никогда не искала хозяев. У нее было смутное, нерациональное чувство, что эти предметы потерялись не случайно. Что они – словно письма, отправленные по неверному адресу, и теперь их единственное предназначение – ждать. Она аккуратно складывала их в картонную коробку из-под обуви, хранившуюся под кроватью в ее комнате. Иногда, в особо бессонные ночи, она открывала ее и перебирала содержимое, пытаясь угадать судьбы, которым эти предметы когда-то принадлежали. Но судьбы молчали.

Ей было сорок два года, и ее мир имел четкие границы, очерченные маршрутом от двухкомнатной «хрущёвки» на окраине Нижнего Новгорода до супермаркета «Оазис», где она работала уборщицей в ночную смену. Днем мир принадлежал ее матери, которая последние пять лет, после неудачной операции на бедре, не вставала с дивана. Ее мир сузился до оконного стекла, по которому стекали дождевые капли, и телевизора, вечно включенного на тихий звук. Их диалоги сводились к обмену погодными наблюдениями: «Похолодало, Мариш», «Да, мама, осень». Больше говорить было не о чем. Муж, дети, путешествия – все это было частью других жизней, которые шли своим чередом за стенами их квартиры.

Одиночество Марины не было острым или драматичным. Оно было органичным, как тонкий, едва заметный, слой пыли на мебели, как привычный запах в холодильнике. Это был фон, на котором протекало ее существование. У нее не было даже кошки, потому что мама утверждала, что шерсть вызывает у нее приступы астмы. Была только тишина, изредка нарушаемая скрипом дивана или гудком автомобиля во дворе.

В тот вторник дождь лил с утра до вечера. Вода стекала по витринам «Оазиса», превращая огни рекламных вывесок в расплывчатые цветные пятна. Воздух внутри был влажный, пахло хлоркой и чем-то сладковатым, вроде подгнивающих фруктов. Марина, сгорбившись, вывозила тележку с мусорными мешками к заднему выходу, где стояли контейнеры. Ей хотелось одного – поскорее закончить смену, заварить чай и утонуть в безмысленном созерцании потолка в своей комнате.

Она швырнула мешок в зев металлического контейнера, и в последний момент уголком глаза заметила – из развязавшегося полиэтилена торчал уголок бумаги, желтоватой, плотной,

явно не похожей на оберточную. Что-то внутри нее дрогнуло – тот самый древний инстинкт собирателя потерянных вещей. Она потянулась, выдернула листок. Он был слегка влажным по краям, но чистым. Будто его не выбросили, а аккуратно поместили сверху, чтобы его нашли.

Капли дождя падали ей на руки, когда она разглядывала находку. Листок был вырван из тетради в линейку, поля аккуратно отчерчены красным карандашом. Почерк – крупный, с нажимом, но буквы чуть дрожали, как будто человек писал в сильном волнении. Она прочла:

- > 1. **Купить синюю шляпу.**
- > 2. **Сказать правду Элеоноре.**
- > 3. **Найти лодку без имени.**
- > 4. **Открыть дверь без замка.**
- > 5. **Вспомнить, как звали собаку.**

Сердце Марины странно екнуло. Она перевернула листок. Пунктов было двадцать семь. Последние сливались в каллиграфическую закорючку, которую было трудно разобрать под тусклым светом уличного фонаря. Это не был обычный список дел. Не «купить молока» или «заплатить за квартиру». Это были инструкции как будто из другого мира, обрывки чужого, очень странного сценария. Кто-то играл в загадочную игру или сочинял сюрреалистический рассказ. Марина коротко, беззвучно усмехнулась. Вот еще одна потерянная вещь. Абсурдная. Ее место в коробке под кроватью, рядом с перламутровой пуговицей.

Она сложила листок вчетверо и сунула в карман фартука. Но ощущение было такое, будто она положила в карман тлеющий уголек.

Дома, пока мама дремала под бормотание телевизора, Марина села на кухне с чашкой горячего чая и развернула листок. Она читала его снова и снова, и слова начинали пульсировать в темноте ее сознания странным, гипнотическим ритмом. «Купить синюю шляпу». Зачем? У нее никогда не было шляп. Они казались атрибутом другой жизни – яркой, смелой, ветреной.

«А почему бы и нет?» – подумала она внезапно. Мысль пришла не как озарение, а как тихая, иррациональная капитуляция перед абсурдом. Не из веры в мистику или знаки судьбы. Просто от смертельной, всепроникающей скуки. Ее жизнь была прямой линией, уходящей в туман. А этот список был зигзагом. Маленьким, нелепым зигзагом. Она решила позволить себе этот зигзаг. Ради забавы. Против монотонности.

На следующее утро, вместо того чтобы идти спать после ночной смены, она свернула в сторону от дома, к комиссионному магазинчику при «Текстильщике». За прилавком дремал седой мужчина в очках, похожий на мудрую сову. Марина, чувствуя себя нелепо, спросила, нет ли у них синих шляп. Мужчина, не моргнув, кивнул в угол. И там, на выдавшем виды манекене с отколотым ухом, красовалась она – **шляпа**. Не просто синяя, а цвета полуночного неба, глубокого, бархатистого. Шерстяная, с широкими, изящно загнутыми полями, с тонкой черной лентой и почти невидимым, потускневшим от времени логотипом какой-то итальянской фабрики. Она красовалась там, будто ждала ее десятилетия.

Триста рублей. Цена двух обедов в столовой. Марина, не раздумывая, заплатила. Когда вышла на улицу, натянув шляпу на голову, мир будто немного изменил угол наклона. Солнце, пробивающееся сквозь облака, отбрасывало от ее фигуры странную, широкую тень. Она ловила на себе взгляды прохожих. Не осуждающие, а скорее заинтересованные. Впервые за много лет она чувствовала себя не невидимкой, а персонажем. Пусть и из чужой пьесы.

Пункт второй ждал ее вечером того же дня. Возвращаясь домой через сквер, она увидела женщину. Та сидела на скамейке, сгорбившись, лицо уткнув в ладони, и ее плечи тихо вздрагивали. Марина уже прошла мимо, как ее остановило что-то в линии спины незнакомки – беззащитная, сломленная дуга, так знакомая по спине ее собственной матери в первые месяцы после болезни. Что-то внутри Марины дрогнуло, пересилив привычное желание не вмешиваться.

– Вам... помочь? – ее голос прозвучал сипло от долгого молчания в течение дня.

Женщина вздрогнула, подняла лицо. Ей было лет пятьдесят, глаза распухли от слез, в них читалась глубокая, взрослая боль.

– Всё в порядке, – прошептала она, пытаясь улыбнуться. – Глупости. Просто... старая история. Жду правды, которой, кажется, никогда не дожждаться.

И тогда, будто кто-то щелкнул выключателем в темной комнате ее памяти, в голове у Марины вспыхнули слова: «*Сказать правду Элеоноре*». Она смотрела на плачущую женщину и понимала, насколько это безумно, насколько невероятно. Вероятность была равна нулю. И все же...

– Вас... Элеонорой зовут? – выдавила Марина, чувствуя, как горит лицо.

Женщина замерла. Слезы остановились. В ее влажных глазах отразилось чистейшее изумление.

– Да, – тихо сказала она. – Но как вы...?

Марина стояла на краю пропасти абсурда. Можно было рассмеяться, извиниться и уйти. Но шляпа на ее голове казалась вдруг тяжелой, как корона. И она шагнула в пропасть.

– Он... ну человек, которого вы ждете... он не сказал вам правду потому, что боялся вас потерять, – голос Марины звучал чуждо, ровно, будто она читала по невидимой подсказке. – Он думал, что ложь – это стена, которая защитит вас обоих. Но за ней стало нечем дышать. Он любил вас. Даже когда молчал. Особенно когда молчал.

Она не знала, кто такой «он». Не знала, о какой лжи речь. Но слова лились сами, обладая собственной убедительностью. Элеонора смотрела на нее, не мигая. А потом медленно, очень медленно, ее лицо начало меняться. Напряжение, копившееся, возможно, годами, стало спадать, как отлив уносит мусор с берега. Она не заулыбалась счастливо. Нет. Но в ее взгляде появилось облегчение, тихое и бесконечное, как озеро в безветренный день.

– Спасибо, – прошептала Элеонора. Ее голос был чистым, без дрожи. – Я... мне казалось, я одна это знаю. Но услышать это от кого-то другого... это как найти подтверждение, что тот мир действительно существовал.

Она взяла Марину за руку, коротко, но крепко сжала пальцы, затем встала и ушла, не оглядываясь. Ее походка была уже не сломленной, а просто уставшей. Марина осталась стоять у скамейки, с бешено колотящимся сердцем. Она только что совершила невероятное. Или это совершил с ней список? Ветер шелестел листьями, и ей показалось, что он шепчет: «*Пункт три*».

Озеро Светлояр она выбрала не случайно. Это было место, овеянное легендами, о невидимом граде Китеже, ушедшем под воду, чтобы не сдать врагам. Место силы, говорили одни. Красивая сказка для туристов, говорили другие. Для Марины это было просто место в ста километрах от дома, куда она никогда не заглядывала. Поездка на автобусе заняла полдня. Она сидела у окна в своей синей шляпе, и пейзажи за стеклом казались ей декорациями к чужому, но теперь почему-то важному путешествию.

Лодки у причала были старые, потрепанные, с гордыми именами «Волна», «Надежда». Она шла вдоль ряда, и сердце ее замирало от непонятого ожидания. И вот, в самом конце, почти скрытая в тени раскидистой ивы, она увидела ее. Небольшую, деревянную, с облупившейся краской. На корме не было ни названия, ни регистрационного номера. Только кривая, самодельная табличка: «*Осторожно. Не для плавания*».

Лодка без имени.

Марина подошла ближе. Внутри, на самом дне, лежал предмет, завернутый в прозрачный полиэтилен, – защита от дождя и любопытных глаз. Это был дневник в кожаном переплете, весьма потрепанный, но не старый. Страницы были исписаны тем же крупным, чуть дрожащим почерком, что и список, но более размашистым.

> «*Запись первая. Меня зовут... неважно. Имя – это этикетка на чемодане, который ты таскаешь за собой. Важнее – что внутри чемодана. А внутри у меня сомнения. Я не*

схожу с ума. Мир не прямолинеен. Это не дорога, а лестница, которая уходит вниз и вверх одновременно, закручиваясь в петли и спирали. Мы думаем, что поднимаемся, а на самом деле проходим один и тот же круг, пока не решимся шагнуть с протоптанной ступени в пустоту. Именно в пустоту. Потому что только там есть опора».

>

> «Запись седьмая. Сегодня оставил список. Бросил его в мусор, как бутылку в океан. Кто-нибудь найдет? Поверит? Синяя шляпа – это ключ. Не головной убор, а состояние. Когда ты ее надеваешь, ты соглашаешься на игру. Ты становишься не собой. Ты становишься проводником».

>

> «Запись двенадцатая. Элеоноре надо сказать правду. Но правда – не факт. Правда – это освобождение. Иногда для этого достаточно, чтобы кто-то произнес нужные слова. Даже не зная, почему они – нужные».

>

> «Запись последняя. Если ты читаешь это, значит, ты нашла лодку. Значит, ты на пути. Не останавливайся, даже если страшно. Особенно если страшно. Дверь без замка ждет. Адрес прилагаю. Ключ – под этим дневником. Он откроет то, что и так не заперто. Вопрос лишь в том, готова ли ты повернуть ручку».

На последней странице была нарисована схематичная карта старого района, знакомого Марине. Отмечен дом на улице Лесной. И стояла цифра – 7. Она нащупала под дневником в складке полиэтилена маленький холодный предмет. Старый, почерневший от времени ключ-«бабочка», завернутый в промасленную бумагу. Он лежал там, будто только вчера его положили.

Дрожь, пробежавшая по ее спине, была уже не страхом, а предвкушением. Она взяла ключ. Он был тяжелее, чем казался. Марина закрыла глаза и вдруг ясно осознала: ее скучная, предсказуемая жизнь закончилась в тот момент, когда ее пальцы коснулись желтого листка в мусорном пакете. Теперь она шла по пути, проложенному кем-то другим. И этот путь вел ее к двери без замка.

Обратную дорогу в город она проделала уже затемно. Улица Лесная оказалась в районе старых деревянных бараков и полузаброшенных кирпичных домов постройки 30-х годов. Тот самый дом, пятиэтажный, с осыпающейся штукатуркой и выбитыми стеклами в подъезде, стоял особняком. Он будто выпал из времени. Дверь в подъезд действительно не была заперта – она приоткрывалась от легкого толчка, скрипя старой пружиной.

Лестница пахла сыростью и кошками. Марина поднималась на пятый этаж, и каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом. Квартира №7. Но на двери не было ни номера, ни глазка. Только гладкая, покрытая многослойной краской поверхность. И – никакого замка. Ни скважины, ни ручки-замка, ни щеколды. Просто дверь.

Дверь без замка.

Марина вытащила ключ. Он блестел у нее в ладони при свете тусклой лампочки на лестничной клетке. Но куда его вставлять? Она поднесла ключ к плоскости двери, и тут ее взгляд упал на едва заметную, тонкую щель между дверным полотном и косяком. Она не была похожа на замочную скважину. Скорее, на трещину. Почти не думая, Марина вставила узкое лезвие ключа в эту щель. Раздался тихий, но отчетливый щелчок, будто сработал какой-то древний, хитроумный механизм. Дверь отъехала внутрь на сантиметр.

Сердце Марины билось так громко, что заглушало все другие звуки. Она толкнула дверь и вошла.

Пространство внутри было залито пыльным золотым светом заходящего солнца, пробивавшегося через грязные окна. Это была большая комната, пустая, если не считать десятков картонных коробок, аккуратно расставленных вдоль стен. На каждой коробке был наклеен

белый листок с надписью. Она подошла ближе, смахнула пыль: «*Ветка 3: Несостоявшаяся поездка в Сочи, 1988*». Другая: «*Ветка 7: Профессия архитектора*». Третья: «*Неиспользованная вероятность: Разговор с отцом 5 мая 1994*».

Это был архив не прожитых жизней. Альтернативных путей. Возможностей, упущенных или отвергнутых. Воздух был густым от запаха старой бумаги, пыли и чего-то еще – похожего на запах грозы перед дождем, озона и напряжения.

В центре комнаты, нарушая всю эту аскетичную атмосферу архива, стоял огромный холодильник «ЗИЛ» 1970-х годов, белый, бочкообразный. На его белоснежной дверце красовался единственный предмет – магнит в виде стилизованной совы из цветного стекла. И под ним, жирно выведенный черным маркером, текст:

«ОТКРОЙ, ЕСЛИ ДОШЁЛ ДО 26»

Марина замерла. Она мысленно пробежалась по списку. Синяя шляпа – куплена. Правда Элеоноре – сказана. Лодка без имени – найдена. Дверь без замка – открыта. Оставалось два последних пункта.

> **26. Вспомнить, как звали собаку.**

> **27. Оставить список тому, кто найдёт его.**

Она медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к коробке с надписью «*Ветка 12: Своя кофейня*». Пыль мягко осела вокруг. «Вспомнить, как звали собаку». У нее не было собаки. В городской квартире... Но в детстве, в деревне у бабушки... Да, было лето. Жаркое, пахнущее сеном и рекой. И был пес. Не их, соседский, но он постоянно вертелся под ногами. Лохматый, черный, с нелепым белым пятном на груди в виде галстука-бабочки. Она, шестилетняя, обожала его. Как же она его звала? Имя было простое, совсем не оригинальное, даже банальное. Оно вертелось на языке, но не приходило.

Она закрыла глаза, позволив памяти унести ее в тот день, когда она в последний раз видела пса. Бабушка звала его домой, а он не хотел уходить, тыкался холодным носом в ее ладонь. И она тогда крикнула ему что-то... что-то вроде...

– **Барсик**, – прошептала Марина в тишину комнаты.

Имя кота для собаки. Абсурдное, детское, ни на что не претендующее. Но в тот миг, когда это слово слетело с ее губ, в комнате что-то изменилось. Тихий, но явный **щелчок** донёлся от холодильника. Магнит-сова будто подмигнул ей отсветом закатного луча.

Марина поднялась, подошла к холодильнику. Рука сама потянулась к ручке. Дверца открылась легко, без усилия.

Внутри не было ни продуктов, ни льда, ни полок. Внутри, на задней стенке, была прикреплена ровная деревянная доска, превратившая холодильник в необычный шкаф. На нескольких полочках лежали книги в темных переплетках, папки с чертежами, стопки фотографий. А в центре, на маленькой отдельной подставке, лежали два предмета: чистый листок желтоватой бумаги, точь-в-точь как тот, что она нашла, и простая шариковая ручка с синим стержнем.

Марина поняла. Это и был финал. И начало.

Она взяла листок и ручку, села за старый, покрытый царапинами письменный стол, стоявший у окна. Закат догорал, окрашивая комнату в багровые тона. Она положила перед собой чистый лист и... не задумываясь, не анализируя, будто чья-то невидимая рука водила ее рукой, начала писать:

> **1. Купить синюю шляпу.**

> **2. Сказать правду Элеоноре.**

> **3. Найти лодку без имени...**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.